

ИСТОЧНИКИ

DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.010

МИССИЯ МУСА-БЕЯ ТУГАНОВА ПО ВОЗВРАЩЕНИЮ КАВКАЗСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ СИРИИ

Г.В. Чочиев
И.-Б.Т. Марзоев

Проблема возвращения на родину представителей северокавказской диаспоры возникла вскоре после начала массовых миграций горцев в Османскую империю в 1860-х гг., однако в силу негативной позиции в данном вопросе официальных Санкт-Петербурга и Стамбула не получила своего решения. Попытки отдельных северокавказских общественных деятелей остановить поток эмиграции своих соотечественников в султанские владения дали лишь ограниченный результат. В свете этого обращает на себя внимание относящаяся к концу XIX – началу XX в. инициатива представителей горской традиционной знати по организации возвращения части проживающих в Сирии переселенцев на Кавказ, описываемая в публикуемых мемуарах М.Дж. Туганова. Текст содержит свидетельства обеспокоенности горских элит нарушением этнодемографического баланса в регионе из-за продолжающегося исхода оттуда коренного населения, их возможностей лоббирования проекта репатриации северокавказцев в высших эшелонах российской власти и координации ими своих усилий с высокопоставленными османскими черкесами. Отказ подавляющего большинства колонистов от предоставленной им возможности возвращения на Кавказ отражает факт их успешной адаптации и интеграции к этому времени на их новой родине. Интерес представляют также наблюдения Туганова за особенностями жизни и социального поведения известных и рядовых членов северокавказского диаспорного сообщества в османском государстве.

Ключевые слова: северокавказская диаспора, Османская империя, Стамбул, Сирия, Кавказ, репатриация, мемуары.

Представленный ниже текст осетино-кабардинской семьи, человека сложной и противоречивой судьбы [1]. Материал включает в себя фрагменты IV–VII глав мемуаров [2, 44–105], посвященные опи-

санию поездки автора в Османскую империю с целью организации возвращения на родину проживавших в Дамаскском (Сирийском) вилайете¹ кавказских переселенцев. Следует отметить, что введенные к сегодняшнему дню в научный оборот российские и турецкие архивные документы не содержат упоминаний об этой миссии, что делает свидетельства Туганова единственным источником информации о ней. Это же обстоятельство, впрочем, лишает нас возможности проверить, уточнить или дополнить сообщаемые мемуаристом сведения.

Во второй половине XIX – начале XX в. отдельными представителями северокавказской интеллигенции прилагались усилия к тому, чтобы остановить поток эмиграции горцев-мусульман в султанские владения, начало которому было положено массовыми депортациями последних лет Кавказской войны. В частности, известно о деятельности осетин Гуцыра и Гацыра Шанаевых, кабардинцев Бекмурзы Пачева и Нури Цагова, абхаза Дмитрия Гулиа и др., убеждавших своих соотечественников в пагубности такого переселения с социально-экономической и культурной точек зрения [3, 38–39; 4, 164–175]. В предлагаемой вниманию читателей публикации речь идет о попытке вернуть на Кавказ уже находящиеся на османской территории переселенцев. Как следует из рассказа автора, к началу 1880-х гг. среди части кавказской традиционной элиты усилилось беспокойство по поводу все

большого нарушения баланса между коренным и пришлым русско-кавказским населением в крае вследствие продолжающегося инерционного исхода горцев с родины, как правило не обусловленного в этот период прямым принуждением со стороны государства. Похоже, группе бывших членов императорского конвоя во главе с отцом Муса-бея удалось пролоббировать в петербургских коридорах власти проект возвращения определенного числа кавказцев из Сирии, обосновав его соображениями государственной пользы, прежде всего в военной сфере. Именно для осуществления практических контактов по данному вопросу в 1902 г. в Стамбул был направлен наш мемуарист (едва достигший на тот момент двадцатилетнего возраста), который на протяжении всех пяти лет пребывания в османском государстве пользовался поддержкой работавших там российских дипломатических представителей. Заметим, правда, что факт поступления Туганова сразу по прибытии в Стамбул на султанскую военную службу может свидетельствовать о наличии у него, помимо планов по выполнению заявленной миссии, и неких санкционированных командировавшим его «кланом» видов на персональную карьеру в этой стране, включавших в себя, по-видимому, вхождение в османскую придворную прослойку.

Несомненно, инициаторы указанного репатриационного проекта обладали достаточно полной информацией о численности, местах расселения и положении горцев-пе-

реселенцев в османской Сирии. Во всяком случае, приводимая Тугановым цифра в 80 тыс. чел. вполне соответствует известным данным о количестве северокавказцев в регионе в рассматриваемый период [5, 102–103]. Среди поселенцев обладали представители западноадыгских народов (бжедуги, абадзехи, шапсуги), перемещенные сюда Портой из утраченных в результате русско-турецкой войны 1877–1878 гг. балканских провинций, где они были поселены в конце 1850-х – первой половине 1860-х гг. Остальные, в основном выходцы с Восточного и Центрального Кавказа (дагестанцы, чеченцы, кабардинцы, осетины, балкарцы), прибыли в регион небольшими группами в течение 1880-х – 1900-х гг. Большинство из примерно полусотни северокавказских колоний было разбросано между Манбиджем (Мембиджем) на севере и Амманом на юге вдоль линии своеобразного «фронта», отделявшей прилегающую к морскому побережью полосу оседлого земледелия от пустынно-степной зоны доминирования кочевых племен. Сравнительно компактный кластер поселений имелся лишь на Голанских высотах в районе Эль-Кунейтры. Практически все колонии с момента своего образования были вовлечены в ожесточенное противоборство со слабо контролируемые властями местными группами – бедуинами, друзами, отчасти курдами и др. Будучи вынуждены самостоятельно или при минимальной поддержке администрации отстаивать свои права на

предоставленные им земли, поселенцы тем не менее сумели, несмотря на немалые жертвы, постепенно утвердиться в регионе в качестве полноценных субъектов местной этнополитической конъюнктуры. Фактически османское правительство успешно использовало в Сирии северокавказских иммигрантов как военных колонистов для противодействия анархогенным элементам, защиты аграрного населения и хозяйственного освоения целинных земель [подр. см.: 5; 6].

Ко времени посещения региона Тугановым, однако, подавляющая часть северокавказцев успела в значительной мере адаптироваться к местным природным, экономическим и социокультурным условиям и в целом интегрироваться в принявшее их османско-мусульманское общество. Хотя память о покинутой родине, бесспорно, продолжала оставаться важным фактором поддержания их культурной идентичности и сознания единства, возвращение на Кавказ уже превратилось в достаточно отвлекенную идею для большинства представителей этого общества, особенно родившихся на новой родине поколений [подр. см.: 7, 73]. Именно в этом, по-видимому, следует видеть основную причину того, что большинство поселенцев отказалось от предложения вернуться в Россию и предпочло остаться в Сирии, несмотря на их радушие к Туганову как к «послу их прежней родины» и живой интерес к событиям на Кавказе. В этой связи очевидно, что упомянутое в мемуарах ко-

личество в 30 тыс. «отправленных... в обратный путь к родным горам» кавказцев не может вызывать доверия и, скорее всего, отражает первоначально предполагавшееся число репатриантов. Действительное же количество возвращенцев, принадлежавших, по признанию самого Туганова, к наименее обеспеченной части колонистов, едва ли могло превышать несколько тысяч человек. К сожалению, автором не приводятся какие-либо данные об этнической принадлежности и местах поселения на Кавказе этих людей, именуемых им «черкесами» в явно расширительном, охватывающем всех северокавказцев значении этого слова. Впрочем, эти и другие неточности вполне объяснимы с учетом того, что воспоминания были написаны спустя почти три десятилетия после пребывания Туганова в Османской империи и предназначались прежде всего для западного читателя.

Помимо сведений об основной миссии автора (и даже в большем объеме, чем о ней), текст содержит небезынтересную информацию о видных представителях черкесской общины страны – начальнике султанской тайной полиции Мех-

мед-паше, оппозиционно настроенном маршале Фуад-паше, опальном придворном сановнике Зариф-паше, – равно как и об этнических северокавказцах из числа рядовых обитателей османских городов – плутоватом хаджи, не лишенном благородства агенте «охранки», вставшем на криминальный путь паломнике в Мекку и др., каждый из которых демонстрирует индивидуальный вариант социализации иммигрантов в реалиях их новой родины. При этом в мемуарах обращается внимание на характерные для выходцев с Кавказа независимо от их социального статуса чувство солидарности и стремление к взаимной поддержке, а также на сохраняемые ими в ряде случаев связи – физические или духовные – с исторической родиной и проживающими там соотечественниками.

В настоящей публикации опущены не имеющие отношения к кавказцам пространные (хотя сами по себе весьма оригинальные и ценные) описания Тугановым культурно-этнографических и общественно-политических особенностей посещенных им регионов и их населения. Места изъятий отмечены многоточиями в квадратных скобках.

ВОСПОМИНАНИЯ МУСА-БЕЯ ТУГАНОВА О ЕГО МИССИИ
В ТУРЦИЮ И СИРИЮ

Глава IV

Когда беспощадный кулак русского колосса обрушился на наш древний народ и ледяные сибирские ветры пригнали славянскую жестокость на наши родные луга, опустошая землю, убивая мужчин и насилая женщин, многие черкесы сочли свою страну потерянной для них навсегда. Лучше было жить свободными людьми в изгнании, чем стать рабами своего врага. Сотни тысяч из них с тем немногим, что у них осталось, были изгнаны, унося в своих сердцах горечь и неизбывную тоску по милой стране, где они познали любовь и дружбу, смех и песни, но которая теперь лежала под черным покровом завоевателей.

Большинство изгнанников направилось в Анатолию. Однако некоторые, примерно 80 тысяч представителей лучших фамилий, обрели свой новый дом в Сирии. Кто-то отправлялся искать землю первым, следом шли другие, пока с Кавказа не потек непрерывный поток переселенцев. К 1880 году моего отца стали глубоко беспокоить как притягательность для нашего народа этой свободы в чужой стране, так и растущие страдания людей дома под казачьим кнутом. Понимая, что вскоре русская волна может полностью захлестнуть коренное население, он попытался сделать все от него зависящее, чтобы вернуть изгнанников обратно.

В первую очередь он обратил внимание на сирийскую общину. Ее члены с разрешения турецкого правительства основали постоянные поселения у границ своей новой страны. Им была предоставлена земля и обеспечена официальная защита. Возникали новые села, возделывалась земля, а старинные обычаи родины, также как костюм и язык, продолжали сохраняться. Но сабли и кинжалы поселенцев недолго ржавели без дела, ибо турки приветствовали появление такого количества отважных людей и наделили их землей отнюдь не только по бескорыстным соображениям. Здесь, на границе, жили дикие, нецивилизованные племена друзов и бедуинов, которые уже успели доставить властям немало неприятностей, вынудив их организовать несколько карательных экспедиций. Тем не менее разбои и междоусобицы не прекращались, а восстания следовали одно за другим.

Бедуины, дикая раса всадников, были кочевниками, которые подчинялись шейхам, но не признавали над собой ничьего господства и с трудом усмирялись турками. Прекрасные стрелки, вооруженные копьями и ятаганами, длинными изогнутыми саблями, они проносились по селениям подобно песчаной буре, оставляя за собой смерть и разрушение. Друзы были гордым и независимым народом, управляемым эмирами и шейхами и подчиняющимся

духовному закону Аккаля, Всеведущего², тайному культу, о котором мало что известно, но который выглядит причудливой смесью древнего христианства и язычества. Аккаль не признает соперников и время от времени воплощается в лидере-человеке. Его последователи неизменно надеются на его возвращение.

Эти два племени привыкли грабить незащищенных мирных крестьян, и встреча их шаек с черкесами не могла не привести к кровопролитным столкновениям. Постепенно черкесы отвоевали свой новый дом у грабителей, и многие бедуины умерли от вонзенного в их грудь кинжала, а черкесские женщины плакали над ужасными ранами, нанесенными ятаганом, который слишком легко проникал в мягкую ткань черкески. Черкесы стали инициаторами и лидерами турецких экспедиций против племен, обнаружив в них свою ценность как воинов. Многие из них были призваны на руководящие посты в правительстве и при дворе, где вскоре стали известны своей верностью и надежностью. Один из них, Мехмед Зариф-паша, прибыл с Кавказа еще ребенком вместе со своим отцом, а теперь жил при дворе и даже был женат на родственнице султана Абдул-Хамида³. Его отец был давним знакомым моего отца, и Мехмед Зариф продолжал переписываться с моим отцом в течение многих лет после смерти своего родителя, внося большой вклад в окончательное решение о возвращении сирийских черкесов домой.

Русское правительство не имело ничего против плана моего отца. Бесславный провал попытки заселить завоеванные земли кавказцев казаками и русскими крестьянами был, правда, наименьшей из причин, способствовавших такому изменению настроений бюрократии. Со времен Александра II черкесская кавалерия играла важную роль в русской армии, и, поскольку с Турцией после недавней войны⁴ нужно было быть начеку, власти без особой радости наблюдали, как лучшие всадники их армии собираются усилить ряды противника, притом противника, связанного с черкесами узами веры.

Поэтому российские официальные лица горячо одобрили план моего отца и уведомили о нем посла в Стамбуле Зиновьева⁵. С противоположной стороны серьезных трудностей ожидать не приходилось. В 1902 году состоялись заключительные совещания о возвращении изгнанников. Мой отец разработал с помощью своих родственников детальный план, и сначала предполагалось, что он сам отправится выполнять эту миссию. В конце концов, однако, он решил, что ему необходимо быть на месте, чтобы быть готовым к встрече первых скитальцев, после чего было названо мое имя. Я был крайне рад такой чести, которая сулила мне возможность увидеть сказочный город Стамбул, знаменитый на весь мир турецкий двор и впервые выехать за пределы России. Мне тогда было всего двадцать лет.

Вскоре подготовка к путешествию была завершена, и я, молодой и счастливый, отправился выполнять свою миссию. В поезде, следующем в Севастополь, я познакомился с пожилым господином, которому, очевидно, так понравился, что он предложил мне погостить в его имении в Крыму. У меня не было причин отказываться, и я провел там чудесную неделю, прежде чем продолжить путь в Стамбул.

Я достиг конечного пункта своего путешествия серым утром. Первые солнечные лучи уже вытянули свои длинные пальцы в направлении горизонта, когда сквозь туман показались дома в бухте Золотой Рог с очертаниями столь же загадочными, как и женщины в вуалях, которых они укрывали. Сбросив скорость, наш корабль медленно вошел в гавань. Постепенно рассеялся и туман, пока, наконец, над нами не засияло победоносно солнце, проливая золотой поток света на сказочный город на Босфоре – Стамбул, город тысячи минаретов.

Первым делом я нанес визит другу моего отца черкесу Мехмеду Зариф-паше. Я передал ему приветы и письма от отца, а он помог мне составить прошение на имя султана о приеме меня на службу в турецкую армию. В этом не было ничего необычного, так как подобные обращения черкесов часто удовлетворялись. И действительно, не прошло и трех недель, как меня вызвали во дворец Йылдыз⁶ и сообщили, что султан присвоил мне звание лейтенанта. Я носил звезду на манжете, указывав-

шую на то, что я являюсь кандидатом на должность адъютанта. Униформа напоминала немецкую уланскую, с так называемым калпаком – невысокой каракулевой феской. Я не принадлежал к какой-либо роте или полку, и моей единственной обязанностью было время от времени появляться при дворе. В остальном я был волен делать, что пожелаю.

В турецком высшем обществе французский язык был распространен почти повсеместно, но для общения с моими слугами и обычными людьми мне необходимо было выучить гораздо больше, чем те несколько обрывочных турецких фраз, которые я знал. Однако случайно я наткнулся на одного старого хаджи (паломника в Мекку), когда-то гостившего у нас в доме. Он с одинаковой легкостью говорил по-турецки и по-русски и поэтому стал для меня идеальным переводчиком. Он тоже считал меня подходящей добычей и приклеился ко мне на весь период моего пребывания там. Должен признать, что порой он бывал весьма полезен, хотя и неописуемо жаден. Золото было его богом. Он готов был сделать все что угодно и предать кого угодно ради денег. После пары недель проживания в отеле я подыскал себе дом с помощью этого хаджи, который, без сомнения, положил в свой карман изрядный процент от заплаченной мной суммы. Как бы то ни было, я очень комфортно прожил в этом доме все десять месяцев, проведенных мной в Стамбуле. Квартира находилась в районе Бешикташ, и, хотя днем часто бывало очень жарко,

по вечерам с Босфора дул приятный прохладный ветерок. Мое хозяйство состояло из повара и трех босоногих мальчишек, которые проворно и без лишних слов выполняли данные им поручения. <...>

У моего хаджи была дочь, о красоте которой до меня доходили самые лестные отзывы, что само по себе говорит о многом в таком городе, как Стамбул, изобилующем красивыми женщинами всех рас и типов. Некоторое время назад он договорился о продаже своего ребенка за баснословную цену старому, толстому, грязному и мерзкому адмиралу, чья дурная репутация конкурировала лишь с его полным невежеством в вопросах мореплавания. Ему удалось легко получить звание адмирала и должность командира императорской яхты благодаря тому, что он был известен своей набожностью и состоял в друзьях с шейх-уль-исламом⁷. <...>

Зиновьев благосклонно отнесся к моей миссии и поручил российскому консульству оказывать мне помощь. Для него, умного политика, это было вопросом интересов самой России, поскольку он хорошо понимал ценность черкесов как кавалеристов и наиболее стабильного элемента на Кавказе. Во время Мировой войны Кавказ выставил два кавалерийских корпуса, которые, несомненно, были лучшими конными войсками русской армии. Позже их слава была самым несправедливым образом отдана казакам, являвшимся всего лишь подражателями черкесским традициям. Они переня-

ли нашу тактику, наш костюм и наше оружие и научились многим нашим навыкам. Черкесы были известны не только своей преданностью, но и своими воинскими качествами, что не раз подтверждали во время войны. На заре революции, когда наступил коллапс и правительства, и армии, кавказский армейский корпус был единственным, кто отступил в полном порядке и успешно преодолел во главе со своими офицерами и со всем своим вооружением долгую дорогу до дома. Лишь после отречения царя черкесы сложили оружие, и это было в то время, когда русские солдаты повсюду поднимали бунты и продавали свое оружие за бутылку водки.

Зиновьев, таким образом, знал, что делает, когда выступил против интриг петербургского кабинета и мелких попыток наместника Кавказа князя Голицына помешать моей миссии, понимая, что оказываемая им мне поддержка действительно служит интересам России. Он сделал все, что было в его силах, чтобы облегчить мою задачу, и даже отдал распоряжение российскому консульству в Дамаске выдать паспорта изгнанникам в Сирии. Именно ему я должен быть благодарен за то, что во время моего пребывания в Турции мне удалось отправить около 30 тысяч черкесов в обратный путь к родным горам. <...>

Мехмед Зариф-паша был женат на принцессе царствующего дома – двоюродной сестре султана, если я правильно помню, – и она подарила ему сына. Этот ребенок благодаря

родству его матери с султаном имел гораздо более высокий статус, чем его папаша, которому приходилось вскакивать на ноги всякий раз, когда сынок входил в комнату. Ему никак не пристало сидеть в присутствии царственной особы! Дело в том, что он был в опале и за ним было установлено пристальное наблюдение. Поэтому любое его неосторожное поведение могло быть немедленно использовано против него. Бесспорно, для самого юного принца было бы намного лучше, если бы папаша забыл о благородной крови, текущей в жилах сына, и время от времени резко осаживал его.

Хотя Зариф-паша, как говорили, симпатизировал младотуркам⁸, я никогда не слышал, чтобы он отзывался о султанине иначе, как с величайшим почтением. Однажды он пригласил меня погостить несколько дней в его доме. Впрочем, дом – не совсем подходящее слово для описания огромного поместья в центре города с собственным парком и роем слуг. Некоторое представление о его размерах можно составить, если я скажу, что вы могли бы ехать верхом в течение часа и так и не покинуть владений Мехмеда Зарифа.

Однажды, когда я возвращался домой после верховой прогулки с моим хозяином, мне преградил дорогу высокого роста полицейский офицер и встревоженно приветствовал меня. У него было для меня письмо, в котором говорилось, что я должен немедленно явиться к начальнику тайной полиции Черкесу Мехмед-паше⁹, куда этому офицеру

было поручено меня сопроводить. Пока я переодевался, он ни разу не выпустил меня из виду, после чего в сопровождении неутомимого хаджи мы отправились во дворец Йылдыз, где находилось ведомство самого могущественного человека в Турции.

Черкес Мехмед происходил с Кавказа и снискал известность своей свирепостью в неменьшей степени, чем своим бесстрашием. Основой его жизни была слепая и фанатичная преданность султану, который, в отличие от своего отношения ко многим другим людям, также со своей стороны вознаграждал его верность полным доверием. Обычно крайне подозрительный, он предоставил Черкесу Мехмеду свободный доступ в свои покои – привилегия, которой обладали еще лишь два человека в Турции: старший евнух Абдул-Хамида и его главный садовник немец Шреммпф, ухаживавший за прекрасными султанскими садами. Обожавший цветы Абдул-Хамид мог часами обсуждать со Шреммпфом какое-нибудь новое растение или процесс роста того или иного цветка.

На плечах Черкеса Мехмеда лежала тяжелая ответственность. Как начальник полиции он должен был охранять жизнь султана и, следовательно, в значительной степени отвечал за само существование монархии. Занимать этот пост было мало-завидным делом: никто во дворце Йылдыз не понимал шуток, а нервы у всех находились в постоянном напряжении, особенно когда появлялись слухи об очередном заговоре, что случалось нередко.

Абдул-Хамид не был законным обладателем трона. Он сместил путем дворцового переворота истинного наследника, принца Мурада, и с помощью своих министров и докторов объявил его умалишенным и заключил в замок. Естественно, сторонники принца были решительно настроены против узурпатора и сплотили вокруг себя всех недовольных. Один мятеж следовал за другим. Младотурки под руководством Энвера, Исмета и Кемалья тоже создавали проблемы, и, несмотря на то, что с ними неустанно боролись, все больше усиливались. Местом сосредоточения этих революционеров были Салоники, откуда дух восстания распространялся по другим частям страны. <...>

Начальник полиции создал прекрасно организованную силу. В его распоряжении была целая армия хорошо обученных ловких агентов. Попавшее под подозрение лицо не могло и шагу ступить без наблюдения, и о каждом его поступке, каждом действии тут же поступали донесения. Если кто-то начинал создавать слишком много проблем, он исчезал в бездонной яме турецких государственных тюрем, чтобы никогда больше не показаться оттуда на божий свет. В отношении высокопоставленных персон использовался другой метод. Они просто ссылались в отдаленные провинции огромной империи, где были лишены возможности распространять свое вредное влияние, но зато могли лучше обдумать свое поведение на протяжении долгих лет, что проводили там.

Зачастую они тоже находились под наблюдением, и их положение многим отличалось от положения пленников. <...>

Мой офицер провел меня в своего рода приемную, где ожидали солдаты, полицейские и всевозможные ага и эфенди¹⁰. Черкес Мехмед распорядился немедленно пригласить меня к нему, что послужило мне действительным пропуском через толпу, и бойкий секретарь ввел меня в небольшую, скромно обставленный кабинет. Наводящий на всех ужас шеф стоял у окна, погруженный в чтение какого-то документа, и я смог его хорошо рассмотреть. Это был высокий, хорошо сложенный, широкоплечий человек с поразившей меня сначала седой бородой. Когда он повернулся ко мне, я увидел его типично черкесские карие глаза, окинувшие меня пронизательным взглядом. В этих глазах светилась непреодолимая воля, против которой не устояла бы никакая слабость. Он лаконично поздоровался со мной, я же ответил ему на кабардинском. Поразительная перемена произошла в нем в этот момент. Словно едва заметная тень какого-то далекого воспоминания промелькнула на его лице. Он был совсем молод, когда покинул Кавказ, где проживал по соседству с нами и знал нашу семью. Он задал мне множество вопросов о «доме» и даже казался обрадованным встрече со мной. Поздравив меня с быстрым получением звания мюлязим-сани, лейтенанта, он дал мне немало отеческих советов относительно того, как следует вести себя при дворе.

Также он сказал, что, если я не научусь хорошо говорить по-турецки, у меня будут сложности с достижением должности адъютанта, и дал мне рекомендательное письмо к военному министру.

Во время моего визита, однако, произошел один болезненный инцидент. Мой хаджи был со мной, и я хотел представить его паше, но он остановил меня, бросил на хаджи ледяной взгляд, а затем громко и отчетливо произнес: «Я хорошо знаю его, но не желаю его знать». В черкесских кругах продажа старым алчным хаджи своей дочери считалась непростительным поступком.

Перед тем как попрощаться, Черкес Мехмед предупредил меня, чтобы я впредь не имел никаких дел с Зариф-пашой. Последний был в немилости у султана, и все его друзья также попадали под подозрение. Когда я ответил, что Мехмед Зариф-паша не только был моим хозяином и другом моего отца, но и способствовал моему вхождению в турецкие правительственные круги, Черкес Мехмед пожал плечами и заметил, что в таком случае я должен буду благодарить за последствия лишь самого себя. В старой Османской империи была только одна путеводная звезда, вокруг которой вращались мысли и действия каждого, – султан и его настроение.

Давняя дружба Черкеса Мехмеда с моей семьей не помешала ему держать меня под наблюдением, так как он считал это своим долгом. Однажды у моего дома ко мне обратился по-черкесски человек, которого я

уже несколько раз замечал идущим следом за мной и чей внешний вид привлек мое внимание. Он стал горячо умолять меня отказаться от визитов к Зарифу, ибо иначе ему как полицейскому шпиону пришлось бы сообщить о моих частых контактах с опальным пашой в тайную полицию. Он не ждал никакой награды за это свое неосторожное признание, но он был черкесом, а турецкие черкесы составляли неразделимое целое и были готовы поддержать друг друга против кого угодно. Возможно, большое влияние черкесов на турецкую политику было связано с тем, что мать Абдул-Хамида была черкешенкой. Они не только не проявляли никакой ревности к новоприбывшим, но помогали им, как могли, и я думаю, что мое игнорирование совета Черкеса Мехмеда могло закончиться совсем по-другому, не зная он, что я тоже черкес. Полицейские власти обычно быстро расправлялись с такими легкомысленными молодыми офицерами. Я поблагодарил «моего» шпиона за любезно предоставленную информацию и пригласил его войти в дом. Он с удовольствием принял приглашение и сказал мне среди прочего, что я не должен думать, что между Черкесом Мехмедом и Мехмедом Зарифом существует какая-то личная вражда. Просто для начальника полиции не могло быть и речи о том, чтобы выказать даже малейшее дружеское чувство к злополучному Зарифу, коль скоро солнце императорской милости отвернулось от него. Личное уважение, которое оба они

испытывали друг к другу, ничуть не изменилось, однако Зариф был теперь пропавшим человеком. Когда шпион уходил, я подарил ему превосходный кинжал. После этого я часто видел его тенью следующим за мной. Он выполнял свой долг, я же делал то, что считал нужным.

Черкес Мехмед в глубине души все еще хранил память о своей родине. Во всех же прочих отношениях он стал турком. У него был большой гарем, и его любимая жена, как я узнал к своему ужасу, была негритянкой. В то время среди турок было модно жениться на чернокожих женщинах, результатом чего стало множество невысказанных полукровок. <...> Его вторая жена была турчанкой, от которой у него было два сына, оба адъютанты султана.

Для младотурок Черкес Мехмед был самым ненавистным человеком в стране. Его первым арестовали, когда Энвер захватил власть, так как он преследовал и травил их, словно диких зверей. Он знал, что его ожидает, когда предстал перед судом военного совета. Его попытались допросить, но он посмотрел на судей своими умными блестящими глазами и коротко ответил: «По вашему мнению, моя жизнь проиграна. Поэтому вы казните меня. Делайте, что хотите. Я не скажу больше ни слова». С этого момента он замолк. Его последними и единственными словами, произнесенными, когда ему надели петлю на шею, были: «Да здравствует султан!» Он был прямодушным человеком, суровым по отношению к другим и к себе.

Как новоиспеченный офицер и иностранец, я имел честь быть представленным султану во дворце Йылдыз. Меня сопровождал сын Черкеса Мехмеда, чтобы помочь мне с моим неважным турецким, ибо, хотя султан и говорил свободно по-французски, в официальных случаях он пользовался только турецким языком. В просторной приемной с огромными позолоченными зеркалами на стенах и полным отсутствием мебели, за исключением нескольких низких диванов и табуретов, около тридцати человек, в основном иностранцев, ждали своей первой очной встречи с повелителем правоверных. По прошествии какого-то времени появился личный секретарь Абдул-Хамида Иззет-паша в своей великолепной камергерской форме. Он был арабом и еще сравнительно молод, строен и гибок, как лезвие рапиры. На его смуглом, тонко очерченном лице с заостренной бородой выделялась пара черных блестящих глаз истинно арабского типа. Он обладал значительным влиянием на Абдул-Хамида.

Мы проследовали за Иззет-пашой в зал аудиенций, где «властелин обоих материков и обоих морей» стоял в окружении своих сановников. Он был одет в свой обычный простой утренний сюртук, и его маленькая голова и сутулая осанка делали его похожим скорее на армянина, чем турка. Ничто в нем не напоминало его красивую мать-черкешенку, кроме ясных серых глаз. Его голос был необычно высоким и резким, хотя и чистым, а вся внешность – простой

и непритязательной, но все же чем-то впечатляющей.

Иззет-паша громко называл имена представляемых, а султан говорил каждому несколько приветливых слов. Меня он спросил, каково положение черкесов на Кавказе, на что я с формальной учтивостью ответил, что они никогда не забывают упоминать имя Его Величества в своих молитвах. Я был отпущен любезным кивком головы.

После этого мне еще несколько раз представлялась возможность увидеть султана и услышать мнения о нем людей, которые были вхожи к нему. Эти мнения, на мой взгляд, были особенно ценны, так как все, что печаталось в газетах, подвергалось цензуре, корректировалось и редактировалось с вполне определенной целью. Его министры считали его чрезвычайно искусным и ловким дипломатом, непредсказуемым в своих решениях, часто жестоким, но порой выказывающим признаки подлинной доброты и даже слабости. В любом случае он был самым способным правителем, которого знала Турция за довольно длительный период. Он спасал свою страну от бедствий в самых опасных ситуациях и одержал победу в единственной войне своего царствования против греков¹¹. То, что он уступил Боснию и Герцеговину Австрии, не было следствием его политики: эти регионы в действительности и так в течение многих лет не принадлежали Турции. Он не заслуживал смещения после стольких лет нахождения у власти. Лично я всегда относился

к нему с большим уважением, хотя позднее, в период моей опалы, мне самому пришлось испытать немалые неприятности. <...>

Мне никогда в жизни не приходилось слышать столько о заговорах и интригах, зависти и обмане, как в обществе пашей Османской империи. Они ревновали друг друга к самому воздуху, которым дышали, и, поскольку Абдул-Хамид всегда был подозрителен и боялся измены, в их распоряжении имелись готовые уши для нашептывания доносов. В этом отношении наиболее ретивым из всех был морской министр Хасан-паша, баснословное богатство которого было обратно пропорционально его репутации приличного человека. Он был известен как самый продажный чиновник во всей империи, что уже говорило о многом. Его заклятым врагом являлся черкес Фуад-паша¹², которого я позднее встретил в ссылке. Это был человек культурный, утонченный, но наделенный ужасно острым языком. На приемах и на улице о нем ходили бесчисленные анекдоты, однако и его огромной популярности оказалось недостаточно, чтобы защитить его от немилости султана, который простил его лишь после отставки Хасана.

Однажды, когда султан наблюдал за французским жонглером и глотателем мечей, он заметил своим приближенным, что ничего подобного нет в Турции. Фуад улыбнулся в ответ: «О, Ваше Величество, он ничто по сравнению с нашим морским министром, который способен прогло-

тить целый линкор!» На одном линкоре был украден бронзовый гребной винт, так как капитан и команда долгое время не получали жалованье и придумали этот простой способ возмещения своих потерь. Когда Фуад узнал об этом, он сухо заметил, что, к счастью, винт не был сделан из золота, иначе он, вероятно, вообще не достиг бы корабля, а остался в руках министра.

Естественно, подобными замечаниями Фуад не делал себя любимцем своих коллег. За ним пристально следили полицейские шпионы, но он не обращал внимания ни на них, ни на раздражение властей. Однажды, прогуливаясь, он заметил идущих следом за ним двух человек. Поняв, что это шпионы Черкеса Мехмеда, он повернулся и, не раздумывая, выстрелил в них. Он был известен как Дели Фуад – Бешеный Фуад. <...>

Благодаря послу Зиновьеву я завел много интересных знакомств среди англичан, немцев, французов и, конечно же, русских. Я стал особенно дружен с англичанами и немцами, что воспринималось с большим подозрением, и мне были сделаны более или менее открытые предупреждения относительно того, что для офицера-мусульманина, прикрепленного к султану, крайне нежелательно иметь столь близкие отношения с иностранцами и неверными. Однако я пренебрегал всеми мерами предосторожности и предавался своим юношеским удовольствиям, пока однажды в мою жизнь не постучалась катастрофа в виде срочного вызова к начальнику полиции.

С угрызениями совести и предчувствием беды я явился к паше, был принят им с величайшей обходительностью и узнал, что Его Величество желает, чтобы я провел некоторое время в Сирии, где под руководством военного губернатора Хакки-паши я буду иметь возможность продолжить свою карьеру в турецкой армии и улучшить познания в языке. По достижении же мной поставленных целей краткого рапорта на этот счет в нужную инстанцию будет достаточно, чтобы обеспечить мне повышение по службе и возвращение в Стамбул. Я был ошеломлен. Быть сосланным в Сирию, эту турецкую Сибирь, о которой я слышал столько тревожных историй! В те времена это, похоже, было излюбленным местом ссылки, и единственное мое утешение состояло в том, что там я был бы ближе к черкесам, ради которых сюда приехал, и имел бы больше возможностей для выполнения моей миссии. Я собрал чемоданы и через несколько дней отбыл в Сирию.

Глава V

Я плыл на австрийском корабле и, хотя официально был в опале, все же был достаточно молод, чтобы насладиться семидневным путешествием во главе с доброжелательным капитаном, показавшим мне лежащие на пути красоты. После восхитительного плавания через Дарданеллы мы зашли в Измир, чтобы взять на борт груз.

Я решил воспользоваться этим временем, чтобы немного прогуляться по городу, и к своему боль-

шому удивлению встретил своего старого друга, человека, прожившего жизнь, полную приключений во всех уголках мира. Его звали Заурбек. Он был ингушом и моим дальним родственником. В молодости он вступил в русскую армию корнетом, подвергся оскорблению со стороны командира и, не стерпев нанесенную ему обиду, зарезал вышестоящего офицера. Его арестовали, разжаловали и отправили в военную тюрьму в Калише¹³. Логическим завершением его карьеры должна была стать Сибирь, печальная участь для столь молодого человека. Однако, будучи, как и все кавказцы, худощавого телосложения, он сумел пролезть между железными прутьями камеры и, карабкаясь по крышам и выступающим углам зданий, каким-то образом спустился на землю. Это был неслыханный подвиг. Любой другой, наверное, разбился бы насмерть, даже если бы смог пролезть через решетку, но ему удалось преодолеть все препятствия и без единой травмы добраться до немецкой границы. Он пожил немного в Германии, но там ему не понравилось, и в один прекрасный день он отправился в Стамбул и предстал перед Черкесом Мехмед-пашой. Тот знал, как использовать людей такого типа, и взял его на работу в полицию. За короткое время он дослужился до звания полковника и теперь стоял передо мной, высокий и приятный на вид, в прекрасной униформе и сияющий от удовольствия. Он поведал мне свою историю за короткое время, что оставалось до отплытия

корабля. Позже мне довелось еще раз встретиться с ним столь же неожиданно, но при совершенно других обстоятельствах.

Погода благоприятствовала нам, и путешествие по греческим островам и Средиземному морю было незабываемым. Когда мы добрались до Искендеруна, я смог впервые увидеть некоторых из моих соотечественников, проживавших в Сирии. До них дошли слухи о моем предстоящем прибытии, и в течение нескольких недель они встречали все корабли в надежде увидеть меня. Их высокие фигуры в хорошо знакомых костюмах были первым, что я увидел, когда корабль пришвартовался. Мне был оказан радушный прием, и я услышал все об их жизни, их постоянной войне против бедуинов и шаек разбойников. Выслушав множество жалоб, я, в свою очередь, рассказал им все новости о доме и их оставшихся там родственниках. Они были счастливы, что могли послать через меня приветы Кавказу и своим любимым горам и лесам, которые многим из них не суждено было больше увидеть. Мне не без труда удалось расстаться с ними, но я пообещал вновь посетить их позже.

Один эпизод произвел на меня болезненное впечатление. Один из старейших припал к моему рукаву, чтобы поцеловать его. Я был шокирован и сказал ему весьма жестко, что не потерплю таких раболепных восточных обычаев и что каждый свободный черкес покраснел бы от стыда, если бы я рассказал об этом дома. Старик был почти в слезах от

моих слов, но меня всерьез расстроило это происшествие.

Наконец, корабль доставил меня в конечный пункт моего путешествия, Бейрут, древний финикийский город, и я впервые ступил на сирийскую землю. <...>

Сразу по прибытии в Дамаск я занялся поисками жилья и нашел себе красивый дом с конюшней и небольшим садом за смехотворно низкую арендную плату. Я купил ковры (мне кажется, настоящие), обставил комнаты и устроился, как мог.

Я усвоил преподанный мне в Стамбуле урок и был готов жить по правилам турецкого правительственного этикета. Я был уже сослан, и теперь, если бы совершил еще какой-нибудь проступок, меня ждала бы гораздо более неприятная кара. Самым мягким наказанием мог стать знаменитый «домашний арест», и, как бы мне ни нравилось мое новое жилище, я вовсе не был готов полностью отказаться от оживленной уличной жизни.

Когда я прибыл на станцию, я заметил, что на меня внимательно смотрит находящийся там турецкий генерал. Его адъютант вручил мне записку, в которой я приглашался подойти и поговорить с ним. Адъютант сообщил мне, что это Кязым-паша, для которого у меня имелись письма от Черкеса Мехмеда. Паша был очень любезен и в своем экипаже отвез меня в армейский штаб, где мы выкурили великолепные сигареты, хотя из-за мусульманского поста, рамазана, еды и питья предложено не было. Ведь само собой разумеется,

что все правительственные чиновники, офицеры и солдаты должны производить впечатление хороших мусульман. Из штаба я направился к военному губернатору Хаккы-паше, которому было поручено мое дальнейшее военное и политическое образование. Помня обо всех сделанных мне ранее предостережениях, я решил предстать перед ним с покайнным видом и, вероятно, думал о том же, о чем обычно думают молодые офицеры, находясь на ковре перед вышестоящим командиром. В этом, впрочем, не было необходимости. Невысокий коренастый человек, из-под светлых волос которого смотрела пара дружелюбных голубых глаз, был явно рад меня видеть и приветствовал как товарища.

Хаккы-паша был героем греческой войны, победоносным генералом, который почти достиг Афин и которого за его успехи принял с распростертыми объятиями сам султан. В результате, однако, он стал нелюбим начальством и чиновниками. Это было худшее, что с ним могло случиться, ибо в старой Турции было естественным делом для любого паши в один день быть вознесенным до небес, а на следующий впасть в немилость.

Я был включен в состав штаба Хаккы-паши. Для этого, правда, мне сначала пришлось дожидаться одобрения султана, так как я уже являлся кандидатом на должность адъютанта и не имел права выполнять какие-либо иные обязанности. Мой новый начальник немедленно предоставил мне четырехнедельный

отпуск, чтобы я мог познакомиться с членами дипломатического и консульского корпуса. Помимо военного губернатора, имелся и гражданский губернатор, приятный пожилой господин по имени Назым, совершенный европеец по образованию и взглядам. <...>

Среди известных людей, которых я встретил в Дамаске, был черкес Фуад-паша, Бешеный Фуад, живший здесь в ссылке, которая была почти заключением. У него был красивый дом, но за ним пристально следили, и он не мог никого у себя принимать. Только два губернатора ввиду его высокого ранга приглашали его на приемы в официальные праздники. Иногда я видел его у Хаккы-паши и был поражен серьезностью выражения его лица. Его знаменитый язык был нем – ведь во дворце Йылдыз никто не обладал чувством юмора. <...>

Вскоре я осознал силу имени Черкеса Мехмед-паши даже в этой отдаленной части Турции. Люди избегали произносить его вслух из опасения, что его шпионы могут находиться поблизости. Я также обнаружил, что мое знакомство с ним может сослужить мне хорошую службу. Один весьма усердный чиновник, которого несправедливо обошли при продвижении по службе, упрямил меня замолвить за него слово перед начальником полиции. Поскольку он действительно заслуживал лучшего поста, я был рад откликнуться на его просьбу и написал письмо Черкесу Мехмеду. Это принесло плоды, и вскоре чиновник получил повы-

шение, а я – дружеское послание от Черкеса Мехмеда. Поскольку в старой Турции на почте не соблюдалась конфиденциальность и все выглядывавшие интересными отправления распечатывались, очень скоро стало известно, что я состою в хороших отношениях с самим министром. Эта новость распространилась повсюду, и я стал чрезвычайно востребован как защитник и покровитель. Ко мне приходили самые разные люди со своими проблемами и просили помощи в их решении. Чтобы разобраться со всем этим, мне пришлось бы открыть отдельную контору.

Этот инцидент сильно изменил и мое положение в обществе. Моя репутация друга и земляка Черкеса Мехмед-паши открывала передо мной все двери без каких-либо предварительных запросов и формальностей, обычных в случае с молодыми офицерами.

Тем временем я занялся вопросом черкесов и познакомился со многими из тех, кто проживал в Дамаске. Я совершал длительные поездки в глубь страны, чтобы посетить различные поселения, и постоянно получал новые приглашения из сел, которые слышали о моей миссии и хотели, чтобы я приехал к ним тоже. В каждом случае я обсуждал положение с сельскими старейшинами. Далеко не все черкесы желали вернуться на Кавказ. Для многих их новая страна стала домом, и они любили свои с трудом завоеванные клочки земли. Они остались в Сирии, где живут и сегодня. Но даже они с радостью

принимали меня как посла своей прежней родины и устраивали развлечения в мою честь с танцами с участием женщин, красота которых ничуть не пострадала от сирийского солнца, и с традиционными отчаянными джигитовками. Это продолжалось день или два, прежде чем заходил какой-либо разговор о цели моего визита.

После того как сельские советы определили, кто из поселенцев намерен вернуться, нужно было получить справки от кавказских общин этих людей, подтверждающие, что они будут приняты в них обратно. С этим, разумеется, никаких трудностей не возникло, так как мой отец все уладил на своей стороне, и по указанию Зиновьева консульством в Дамаске были выданы российские паспорта. В основном вернуться домой захотели беднейшие из черкесов. У многих из них не было на эту поездку денег, которые мне пришлось либо предоставлять им самому, либо изыскивать для них в мусульманских кругах. Они отплыли на российских кораблях, а также на кораблях немецкой Левантийской линии и австрийской компании Ллойд, и я договорился о том, чтобы перевозка осуществлялась из Бейрута непосредственно в Севастополь без захода в Стамбул. Позднее мне довелось увидеть многих из вернувшихся изгнанников. Они были бесконечно счастливы оттого, что вновь оказались на Кавказе среди своих родных гор. <...>

Глава VI

<...> Однажды мой слуга объявил, что меня желает видеть какой-то хаджи, паломник в Мекку, кавказец по происхождению. Для паломников было обычным делом просить милостыню или приют, поэтому я велел привести этого человека ко мне. Это был рослый, крепкий, загорелый малый, выглядевший несколько странно в халате и зеленом тюрбане паломника. Выражение его лица также не вполне соответствовало моему представлению о святых людях. Однако он поведал мне о своих странствиях и сказал, что очень измотан тяготами пути. В городе он никого не знал и умолял меня позволить ему остаться на несколько дней, пока он наберется достаточно сил, чтобы продолжить свое путешествие. Он говорил по-кабардински, и его манеры произвели на меня хорошее впечатление. Я предоставил ему комнату на первом этаже и сказал слуге, чтобы он ни в чем не нуждался. Хаджи оказался мирным гостем моего дома. В его благочестии не было сомнений. Он жил строго по закону Корана, с жаром молился и регулярно совершал предписанные омовения в источнике во дворе. Однако через день или два первый восторг начал проходить. Он молился в укромных местах и сообщил нам, что скоро достигнет ранга тех святых, которым позволено отрывать от земли во время молитвы.

На Востоке немало подобных религиозных фанатиков, убежденных в своей избранности и доходящих в

своей набожности до крайностей. В основном это дервиши, люди, посвятившие свою жизнь Аллаху и живущие попрошайничеством. Большинство их безобидно и искренне богобоязненно, но некоторые доводят себя до исступления, впадают в благоговейный экстаз, проводят целые дни распростершись ниц в мечетях, постятся и каются с фанатично пылающими глазами во имя вящей славы Господа. <...>

Мой набожный гость зашел не так далеко, но у меня возникло беспокойство, когда однажды он вдруг сослался на недомогание и отправился к себе спать. Наутро он был серьезно болен, и я послал за доктором. Случайно в тот же день ко мне заглянул адъютант Кязым-паши, который, тоже будучи черкесом, проявил интерес к больному кавказцу. Он сопровождал доктора в комнату паломника, но вскоре вернулся оттуда в сильнейшем волнении, чтобы сообщить мне, кого я укрываю под своей крышей. Судя по всему, благочестивый хаджи был не кем иным, как разбойником Бекиром, печально известным убийцей и грабителем с бесчисленным количеством человеческих жизней на своей совести, которого в течение немало времени тщетно разыскивала вся провинциальная полиция. Я упросил адъютанта никому ничего не говорить об этом открытии, поскольку Бекир попросил убежища в моем доме, и я как его хозяин не мог выдать его полиции и палачу. Кроме того, по словам доктора, он и в самом деле был очень болен, поэтому не было причин опасаться новых зло-

деяний с его стороны. На следующий день я посетил больного, и он мне во всем сознался.

Он был черкесом и однажды почувствовал в себе огромное желание увидеть Мекку и Медину. Он отправился в хадж, и поначалу все шло хорошо, пока где-то в Анатолии у него не закончились средства. Не видя другой возможности продолжить свое путешествие, он решил украсть немного денег. С того дня он стал совершать одно преступление за другим и в конце концов стал убийцей. Как ни странно, он все это время мучился угрызениями совести и даже пытался честно зарабатывать себе на жизнь торговлей скотом, покупая и продавая животных по дороге. Так, наполовину честно, наполовину преступно он проделал путь из Анатолии в Сирию с полицией, идущей за ним по пятам, пока не попросил убежища в моем доме, поскольку слышал, что я тоже черкес.

Еще два дня он пролежал в сильной лихорадке и, когда я зашел к нему в следующий раз, попросил меня подать ему его пояс. Я поднял его и к своему изумлению обнаружил, что он заполнен турецкими золотыми монетами суммой примерно в тысячу лир. Больной попросил меня отправить часть этих денег его жене, имя которой он мне назвал, а остальное разделить между бедными. Два дня спустя Бекир, вор и убийца, был мертв. Я исполнил его последнюю волю и раздал половину денег бедным черкесам в городе. Бекира похоронили как набожного хаджи. <...>

На турецко-египетской границе находилась небольшая крепость Софар, и как раз в это время между двумя правительствами возник спор о владении ею и ее окрестностями. Граница была нечеткой, и, хотя Софар всегда принадлежал Турции, Египет, за которым стояла Англия, теперь предъявил претензии на древние стены. Из Стамбула прибыла комиссия, которая должна была вести переговоры с участием Хаккы-паши и Назым-паши. Они находились в трудном положении, так как представляли бессильную страну, которая не могла подкрепить свои требования вооруженной силой, как Англия. Когда Хаккы и Назым зашли слишком далеко, английский посол в Стамбуле предупредил турецкое правительство о неприятных последствиях, грозящих ему из-за строптивости его представителей. Султану не оставалось ничего иного, как наказать несчастных переговорщиков за их бестактность. Назым-паша был отправлен на отдаленный остров в Средиземном море, а Хаккы избежал той же участи лишь благодаря своим заслугам перед султаном в период греческой войны. Ему было приказано немедленно вернуться в Стамбул и оставаться в своем доме до дальнейших распоряжений. Поскольку эти распоряжения так и не поступили, несчастный оказался фактически заточен в собственном доме.

Немильность султана распространилась также на подчиненных и помощников этих двух жертв. Многочисленные адъютанты Хаккы-паши

были арестованы и либо сосланы, либо переведены в самые глухие уголки огромной империи. Мне повезло в свое время получить от друзей предупреждение, что позволило мне избежать этой участи. Однако я был вынужден бросить там все. <...> Часть своих вещей я успел передать российскому консулу с тем, чтобы они были проданы. <...>

С помощью консула я добрался до Бейрута и оттуда на корабле отплыл в Стамбул. Этот «побег» был одним из самых приятных путешествий в моей жизни. Капитан оказался веселым и жизнерадостным малым, возившим с собой целую труппу арабских певиц для собственного развлечения, и, поскольку судоходная компания не препятствовала ничьим удовольствиям, неудивительно, что к моменту прибытия в Одессу в моих карманах не оставалось ни гроша. Я отправил телеграмму домой с просьбой о помощи, но моя семья, уверенная, что я нахожусь в совершенно другой части света, сочла это послание обманом. Лишь после того, как я указал имена матери и сестер, я смог получить деньги. <...>

В сентябре 1907 года я вновь увидел горы Кавказа.

Глава VII

На прояснение результатов моей миссии в Турцию потребовалось некоторое время, так как мой отец был очень скрупулезен и хотел знать все детали. Он был недоволен тем, что моя служба в султанской армии закончилась столь неудачным образом. Позже, однако, он получил письмо

от Мехмеда Зариф-паши, который рассказал ему обо всех обстоятельствах и объяснил, что только таких последствий и можно было ожидать при тогдашнем состоянии дел в турецком правительстве. В любом случае мы были слишком заняты, чтобы думать об этом, потому что возвращающиеся изгнанники начали прибывать и их необходимо было расселять по их селам. Сами они не создавали никаких трудностей, чего нельзя было сказать о казаках, занявших за это время их дома. Однако, подыскав казакам другую землю и выплатив им компенсации, мы в конце концов устроили черкесов, и через год или два они чувствовали себя так, словно никогда оттуда не уезжали. Естественно, я был рад этому счастливому итогу моей турецкой экспедиции. <...>

Примечания:

1. Дамаскский вилайет включал в себя, помимо большей части современной Сирии, территории Иордании, Израиля, Палестины, Ливана и турецкой провинции Искендерун.
2. От арабского *акль* «(универсальный) разум».
3. Абдул-Хамид II занимал престол с 1876 по 1909 г.
4. Имеется в виду русско-турецкая война 1877–1878 гг.
5. Зиновьев Иван Алексеевич (1835–1917) – русский дипломат, востоковед, посол России в Османской империи в 1897–1909 гг.
6. Йылдыз Сарай (Звездный дворец) – резиденция султана Абдул-Хамида II и место расположения ряда государственных ведомств.
7. Шейх-уль-ислам – верховный муфтий в Османской империи.
8. Младотурки – участники либерально-конституционного движения в Османской империи, ставившего своей целью свержение абсолютистского режима Абдул-Хамида II. Осуществили революцию в 1908 г.
9. Здесь «Черкес» выступает компонентом полного именованного лица, содержащим отсылку к его этническому происхождению, что являлось распространенной моделью имяобразования в Турции до введения фамилий в 1934 г.
10. Ага, эфенди – титулы и формы вежливого обращения, использовавшиеся по отношению к зажиточным и/или образованным, а также некоторым начальствующим лицам в старой Турции.
11. Речь идет о греко-турецкой войне 1897 г. Она может считаться единственной войной периода правления Абдул-Хамида II лишь без учета имевшей место вскоре после его вступления на престол русско-турецкой войны 1877–1878 гг.
12. Фуад-паша (1835–1931) – маршал, видный османский военачальник, политик и общественный деятель последней четверти XIX – первой четвер-

ти XX в. Убых из рода Тхуго. После революции 1908 г. – один из лидеров черкесского этнонационального движения в стране.

13. Калиш – город в Польше, в описываемое время центр одноименной губернии в составе Российской империи.

Перевод с турецкого и примечания

Г.В. Чочиева

1. *Марзоев И.Т., Чочиев Г.В.* Кавказские воспоминания Мусса-Бия Туганова // Известия СОИГСИ. 2019. Вып. 33(72). С. 123–145.

2. *Tuganov M.* Çarlıktan Çeka'ya, Çekadan Özgürlüğe. İstanbul, 2015.

3. *Тотоев М.С.* К вопросу о переселении осетин в Турцию (1859–1865) // Известия СОНИИ. 1948. Т. 13. Вып. 1. С. 24–46.

4. *Бэрзэдж Н.* Изгнания черкесов (причины и последствия). Майкоп, 1996.

5. *Чочиев Г.В.* Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX века) // Османская империя. События и люди. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Ю.А. Петросяна. Отв. ред. М.С. Мейер, С.Ф. Орешкова. М., 2000. С. 94–127.

6. *Кушхабиев А.В.* Черкесы в Сирии. Нальчик, 1993.

7. *Чочиев Г.В.* Проблема «возвращения на родину» в северокавказской диаспоре в Турции (османский период) // Вопросы истории. 2021. № 6-1. С. 61–84.

Chochiev, Georgy V. – V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); georg-choch@yandex.ru

Marzoev, Islam-Bek T. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); is-bek@yandex.ru

MUSA-BEY TUGANOV'S MISSION FOR THE RETURN OF CAUCASIAN SETTLERS FROM SYRIA.

Keywords: North Caucasian diaspora, Ottoman Empire, Istanbul, Syria, Caucasus, repatriation, memoirs.

The problem of repatriation of the representatives of North Caucasian diaspora arose shortly after the start of mass migrations of mountaineers to the Ottoman Empire in the 1860s. However, due to the negative position on this issue of official St. Petersburg and Istanbul, the problem has

not been resolved. Attempts by individual North Caucasian public figures to stop the flow of emigration of their compatriots to the sultan's domains yielded only limited results. In light of this, attention is drawn to the initiative of some representatives of the Mountaineer traditional nobility, dating back to the late XIX and early XX c., to organize the return to the Caucasus of some of the migrants living in Syria, which is described in the memoirs of M.J. Tuganov. The text contains evidence of the concern of the Mountaineer elites about the alteration of the ethno-demographic balance in the region due to the ongoing exodus of the indigenous population, their abilities to lobby in the upper echelons of Russian power for the project of repatriation of North Caucasians and their coordination with some high-ranking Ottoman Circassians. The refusal of the overwhelming majority of the settlers from the opportunity to return to the Caucasus reflects the fact of their successful adaptation and integration by this time in their new homeland. Tuganov's observations of the peculiarities of life and social behavior of well-known and ordinary members of the North Caucasian diaspora community in the Ottoman state are also of interest.

REFERENCES

1. Marzoev, I.T., Chochiev, G.V. *Kavkazskie vospominaniya Mussa-Biya Tuganova* [Caucasian Memories of Moussa-Biy Tuganov]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2019, iss. 33(72), pp. 123–145.
2. Tuganov, M. *Çarlıktan Çeka'ya, Çeka'dan Özgürlüğe*. İstanbul, Apra, 2015. 192 p.
3. Totoev, M.S. *K voprosu o pereselenii osetin v Turtsiyu (1859–1865)* [On the Issue of Resettlement of Ossetians to Turkey (1859–1865)]. *Izvestiya SONII* [Proceedings of the North Ossetian Research Institute]. 1948, vol. 13, iss. 1, pp. 24–46.
4. Berzedzh, N. *Izgnaniya cherkesov (prichiny i posledstviya)* [Expulsion of the Circassians (Causes and Consequences)]. Maykop, Adygeya, 1996. 223 p.
5. Chochiev, G.V. *Rasselenie severokavkazskikh immigrantov v arabskikh provintsiyakh Osmanskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Settlement of North Caucasian Immigrants in the Arab Provinces of the Ottoman Empire (Second Half of the XIX – Early XX Century)]. Meier, M.S., Oreshkova, S.F. (eds). *Osmanskaya imperiya. Sobytiya i lyudi. Sbornik statei k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Yu.A. Petrosyana* [Ottoman Empire. Events and Persons. A Collection of Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Yu.A. Petrosyan]. Moscow, Gumanitarii, 2000, pp. 94–127.
6. Kushkhabiev, A.V. *Cherkesy v Sirii* [Circassians in Syria]. Nalchik, Respublikanskii fond “Vozrozhdenie”, 1993. 168 p.
7. Chochiev, G.V. *Problema «vozvrashcheniya na roдинu» v severokavkazskoi diaspore v Turtsii (osmanskii period)* [The Problem of “Return to the Homeland” in the North Caucasian Diaspora in Turkey (Ottoman Period)]. *Voprosy istorii* [Issues of History]. 2021, no. 6-1, pp. 61–84.